

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В.В. Виноградова РАН

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. Пушкина

РУССКАЯ РЕЧЬ

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ

Издается
с января
1967 года.
Выходит
6 раз в год

1

ЯНВАРЬ • ФЕВРАЛЬ

2018

ИНДЕКС 70788
ISSN 0131-6117

МОСКВА
"НАУКА"

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 3 Л.П. Гордеева. Адаптация галлицизмов в прозе А.С. Пушкина
- 11 М.Г. Соколова. «За тополью высокою я вижу там окно...» (Особенности категории рода существительного *тополь* в русской поэзии)
- 18 О.А. Гассельблат. «Гвоздями слов прибит к бумаге я...» (Религиозная лексика в поэзии В. Маяковского)

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- 25 О.В. Никитин. География литературы в творчестве П.Н. Савицкого

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- 34 И.Г. Родионова. «До чего же хорошо кругом!» (Аналитические конструкции с усилительной частицей *до чего*)

-
- 42 *Е.М. Ручимская.* Спряжение односложных в инфинитиве глаголов в русском языке
- 48 *Н.А. Сегал, О.П. Щурик.* «Политическое танго» (Метафоризация образов народных танцев в политических текстах)
- 57 *М.Р. Милуд.* О семантических процессах в компьютерной терминологии
- 63 *Л.Т. Касперова.* Стилистические и жанровые особенности интернет-комментариев
Язык рекламы
- 69 *Е.В. Юрьева.* Манипуляции в текстах слоганов
-
- ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ**
- 81 *А.А. Чуркин.* «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» митрополита Серафима Чичагова: особенности эпической формы
- 92 *Л.А. Трахтенберг.* Споры о букве Ъ в XVIII веке
-
- ОНОМАСТИКА**
- 102 *В.С. Пукиш.* Прозвища жителей станиц Таманского полуострова
- ПИСАТЕЛЬ И ФОЛЬКЛОР**
- 107 *О.С. Быкова.* Народные песни в «Записках охотника» и повести «Затишье» И.С. Тургенева
-
- ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ**
- 115 *Л.А. Баранова.* Иноязычные компоненты со значением *голова* в составе русских слов
- 120 *И.А. Горбушина.* Совокупность лексем с корнем *ter- с общим значением «характеристика человека»
-
- 127 **К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ**
-

География литературы в творчестве П.Н. Савицкого

© О. В. НИКИТИН,
доктор филологических наук

В статье анализируется творчество известного историка-евразийца, одного из крупнейших деятелей русской эмигрантской культуры П.Н. Савицкого. В его наследии представлены не только этнологические материалы, но и художественные: он проявил себя как оригинальный поэт и литературовед, создавший свою концепцию истории отечественной словесности. Ее принцип заключался в том, что ученый определял «местодействие» текста в зависимости от географического ландшафта литературы, топонимики и даже ойконимики источников художественного материала и принадлежности авторов к определенной территории. Публикуемые архивные находки дают представление о сути филологических и историко-этнологических идей П.Н. Савицкого и их роли в развитии теории словесной культуры XX века.

Ключевые слова: архивные источники, евразийство, история культуры, география и литература, местодействие.

The article examines the work of the famous historian and Eurasian, one of the largest figures of Russian émigré culture P.N. Savitsky. His heritage represents not only ethnological materials, but artistic: he showed himself as an original poet and literary critic, who created his concept of the history of Russian literature. Its principle was that a scientist had determined «metadata» of text depending on the geographical landscape of literature, toponymy and even oikonymy of sources of artistic material and affiliation of authors to a certain area. Published archival discoveries give an idea of the essence of the philological and historical-ethnological ideas by P.N. Savitsky and their role in the development of the theory of verbal culture of the XXth century.

Keywords: archival sources, Eurasianism, history, culture, geography and literature, metadata.

Имя Петра Николаевича Савицкого (1895–1968) – самобытного русского географа культуры, философа, экономиста – стало известно широкой публике в последнее десятилетие XX века, когда обострился интерес к русскому «рассеянию». Личность эта, во многом замечательная, все же более знакома историкам и этнологам, так как основополагающие его труды посвящены именно этим областям гуманитарного знания. Наконец-то, в России изданы избранные труды П.Н. Савицкого [1], а его фамилия теперь упоминается во многих философских и иных энциклопедических изданиях [2; 3; 4]. Таким образом, спустя десятилетия, его научное наследие обрело второе рождение.

Но все же сама фигура П.Н. Савицкого до сих пор еще находится в некоторой тени его коллег по евразийскому движению – Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона, а витиеватая биография Петра Николаевича, полная событий, переживаний, трагедий и творческих взлетов почти неизвестна читательской аудитории. Поэтому прежде чем мы обратимся к необычному опыту анализа русской литературы как «географического местодействия», вкратце расскажем о вехах его жизни и деятельности.

П.Н. Савицкий родился на Украине в 1895 году. Получив географо-экономическое образование в Политехническом институте в Петрограде, он вскоре был направлен секретарем в русскую миссию в Норвегию. Савицкий не принимает Октябрьской революции и примыкает к Добровольческой армии. «В правительстве Врангеля он занимает важную должность первого помощника-секретаря Петра Струве, министра иностранных дел в этом правительстве» [5. С. 436]. После поражения Врангеля Савицкий был вынужден покинуть Россию. Сначала он оказался в Турции, потом в Болгарии и, наконец, обосновался в Праге – центре русской научной мысли того времени.

В начале 1920-х годов он знакомится с Н.С. Трубецким и на долгие годы связывает свою судьбу с *евразийством*. Появляются программные статьи, заметки и тезисы Савицкого, он ведет активную

пропагандистскую работу. До начала Отечественной войны он преподавал в университетах и институтах Праги. В 1940–1944 гг. — педагогический директор русской гимназии.

После освобождения Праги советскими войсками он был арестован и осужден на 10 лет лагерей. Вышел из застенков ГУЛАГа только в 1956 году, тогда же был реабилитирован и вернулся обратно в Прагу. Позже под псевдонимом Востоков ученый публикует свои воспоминания о пребывании в застенках советских лагерей, за что его снова арестовывают в 1961 году, но после вмешательства знаменитого философа Б. Рассела освобождают. Последние годы он занимался в основном переводами с чешского на русский язык. Умер Савицкий в Праге в 1968 году.

В указанных нами энциклопедиях его биография рассказана более подробно, но есть то, что находится и поныне за пределами официальной летописи. Богатый архив Савицкого, вывезенный из Праги советскими войсками в конце войны (в числе других документов «белоземigrants») ныне хранится в Государственном архиве РФ. Среди обширной переписки ученого с видными историками, философами и соратниками по евразийству мы обратили внимание и на любопытные трактаты Савицкого, например, «О любви», исторические исследования об освоении иностранцами Сибири и значительный корпус стихотворений Петра Николаевича — так называемая «географическая поэзия», где он воспевал красоту русской природы, горы, леса, города, ландшафты, давал портреты своих друзей. Не без иронии, но добрые, яркие, емкие поэтические миниатюры Савицкого — замечательный образец вдохновенной мысли самобытного ученого. Конечно, это был его скромный опыт лирико-поэтического осмысления географии культуры родной земли: что-то ему удавалось, другое выглядит не совсем доработанным, но как автор, чувствующий дыхание природы, он, безусловно, интересен. Мы приведем здесь два его стихотворения из архивного собрания в ГАРФ [6. Л. 17].

Поэзия и наука

Поэт — всегда ученый.
Ученый, он всегда поэт,
В предмет своей любви влюбленный
И в сладкий погруженный бред.

А для поэта мысль и слово
Всегда такой любви предмет,
И нет ученого такого,
Кто пламенной любил бы свет,

Свет точных истин и пределов,
Оттенки красок и тонов,
Все измерения размеров
И все сложения слогов.

Предмет любви — не ткань сухая,
Но полный сил и жизни лик.
К нему, любя, дрожа и тая,
Любовник—любомудр преник.

Магия живого слова

О, магия живого слова,
О, если бы его стрела
Чертить кривую в небе снова
В полете выпрннем могла,

И древком оперенным жало
Вонзать стремительно в врага.
О, слушай. В небе зажужжала
Стрела, легка и высока.

Интерес к «местодействию» русской литературы у Савицкого не случаен: географический ландшафт в текстах великих писателей и поэтов всегда занимал видное место в их творческом сознании и уже вышел за рамки обычных эпитетов и метафор. Так называемая «пейзажная» лирика и проза отражали философские думы о Родине, о месте человека в пространстве эпохи, о его исторических корнях, начиная со «Слова о полку Игореве» и продолжая любимыми Савицким мастерами словесного жанра Пушкиным и Тургеневым.

Публикуемая далее заметка представляет собой тезисы к докладу Савицкого, очевидно, сделанного в 1929 году [7]. Об этом свидетельствует и дружеская полемика ученого с князем Трубецким по поводу настоящей работы. В рукописном собрании Савицкого в Государственном архиве РФ мы обнаружили любопытные комментарии Н.С. Трубецкого к тезисам его друга и соратника. Так, в письме от 6 июля 1929 года он замечает: «По поводу местодействия вспоминаю, что Пушкин в примечании к *Кавказскому пленнику* указывает, как на своих предшественников по описанию Кавказа, на Державина (“Ода на возвращение гр. Зубова из Персии” 1797) и на Жуковского (“Послание к Воейкову”). Советую Вам поговорить об этой теме с Р.О. Якобсоном. Мне кажется, лучше всего реферату придать общий, принципиальный характер, поменьше останавливаясь на конкретном материале: а то легко впасть в неточность» [8. Л. 122 об.].

Чуть позже, в другом послании Савицкому, он пишет: «В Ваших тезисах “опасными” являются 9 и 10. О былинных местодействиях надо

говорить с сугубой осторожностью. Т(ак)наз(ываемая) историческая школа здесь очень переборщила, спекулируя на встречающихся в разных былинах топографических названиях. Советую Вам поговорить об этом с Якобсоном» [8. Л. 127 об.].

Н.С. Трубецкой не случайно столь пристрастно рассматривает эту работу, так как, находясь в Вене, сам преподавал русскую литературу, но не в «евразийском» ключе, а в историко-художественном, более традиционном. Тезисы же Савицкого в этом смысле более уязвимы. Он пытается соединить литературное и географическое начала, выявить некую последовательность и преемственность в подаче тех или иных сюжетов, определить фактор *географического* воздействия среды на русскую словесность и т.д.

Обратимся снова к словам князя Трубецкого. Вот как он оценивает географическую сторону русской литературы: «В древнерусской литературе географическая конкретность явление народное. Не говоря уже о летописях, укажу на житийную литературу и на т(ак)наз(ываемые) «повести», которые сплошь да рядом приурочены к определенным личностям. Возьмите хотя бы *Повесть о Савве Грудцыне* или о пресвитере Тимофее и др. Опыт изложения др(евне)рус(ской) литературы по географическому (областному) признаку (правда, в связи с социальным) имеется в учебнике Келтуялы (до войны, точно не помню в каком году).

Из писателей начала XIX в. необходимо упомянуть Бестужева-Марлинского, сильно выдвигавшего местодействие. Между прочим, излюбленным местодействием его повестей был Прибалтийский Край, — редкий случай в русской литературе» [8. Л. 127 об.— 128].

Н.С. Трубецкой был совершенно прав, когда говорил о большей расположенности отечественной словесности старшего поколения к «ландшафту» времени. Летописи, «хождения», *Домострой* и другие жанры древнерусской литературы органично впитывали в себя окружающую природу, и литературная география произведения того времени была намного богаче и, если так можно выразиться, «метафоричнее». То же, по-видимому, можно сказать и о «природной» материи языка, каким написано большинство произведений древнерусской литературы. «Местодействие» будто бы сливается со всем комплексом культурных ко н ц е п т о в времени, не выделяясь за пределы бытового и духовного уклада русской жизни. *Тот* язык — не антагонист быту и культуре в целом. Под стать ему и литература в своей соборности воплощала естественный лик, предопределенный свыше и потому, наверное, традиционно канонический в духовной литературе и «натуральный», но не безыскусственный — в светской. И еще не выясненный вопрос *местодействия*, поставленный впервые как проблема Савицким, здесь выступает как один из основных формальных компонентов литературного произведения.

Любопытно проследить, как князь Трубецкой отзывался о современной ему художественной прозе и оценивал ее местодействие. В том же письме к Савицкому он сделал особый акцент на исторической связи в композиции произведения. «За самое последнее время, — писал Трубецкой, — упор на местодействие особенно сильно проявляется у т(ак) наз(ываемых) “фактовиков”. Правда, они сознательно отходят от вымышленной фабулы и вообще фабулы, так что их к беллетристам уже причислить нельзя. Они пишут путевые очерки или вообще географические очерки (напр. “Сванетия” Тредьякова). Сведения о них Вам может сообщить тот же Яковсон (они группировались вокруг “Нового Лефа”))» [8. Л. 128].

Текст настоящей публикации воспроизводится впервые по автографу П.Н. Савицкого (ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. № 71). В деле содержится два варианта тезисов с многочисленными исправлениями, вставками и приписками. Мы сверили их тексты, восстановив тем самым наиболее *полную* форму статьи. Чтобы не перегружать публикацию подобными техническими примечаниями, мы их опустили. Орфография и пунктуация, за исключением незначительных авторских отступлений, приведена в соответствие с современными нормами.

П.Н. Савицкий
Местодействие в русской литературе
(географическая сторона истории литературы)

1. Общая постановка проблемы о местодействии в русской литературе. Специфические трудности в разработке этой темы, связанные с необходимостью учитывать, как произведения «большой литературы», так и произведения «литературного фона». Между тем история «литературного фона» разработана в весьма малой степени. Настоящий доклад должен рассматриваться именно как постановка проблемы, а не как развитие темы. Географический материал литературы рассматривается здесь как таковой — без отношения к вопросу о том, какому литературному «приему» служит введение этого материала. Только что названный вопрос доклада должен явиться законною темой особого доклада (краткое содержание).

2. Географический ландшафт в русской литературе. Ландшафт, как таковой («пейзажная» поэзия и художественная проза). Ландшафт как местодействие. Изображение географического ландшафта приобретает особое значение в тех случаях, когда можно установить *неслучайную* связь между характером действия и характером местодействия. Истолкование этой связи с точки зрения категории «месторазвития». — Понятие «месторазвития» в применении к лирической поэзии.

3. Местодействие литературных произведений в его отношении к местопроисхождению писателей. Историческое и систематическое рассмотрение вопроса. Обоснование применяемой терминологии.

4. Понятие «географической конкретности». Сопоставление с категориями географической науки. Географические названия. Их роль в художественной прозе и поэзии. Подлинные названия и названия вымышленные. Подразделения среди этих последних: названия, намекающие на конкретность и отвлеченные от нее («названия вообще»). Географические названия и личные имена.

5. Четыре степени географической определенности местодействия:

А) нет географической конкретности и нет географических названий,

Б) географические названия без географической конкретности,

В) географическая конкретность без географических названий,

Г) географическая конкретность и географические названия.

6. Две возможных трактовки географического ландшафта в литературе: начало «стилизующее» и начало «протокольное». Географическая фантастика и географическая точность. Их соотношение в истории литературы. Нарождение географической точности. Тенденция от точности перейти к протокольности. Почему «большая литература» чуждается излишеств географической точности?

7. Город и деревня как местодействия. Город, как более сильная культурно-историческая формация, до некоторой степени затушевывает географические различия. Исторический (и зодческий) лик города, его роль в литературе. Поэзия Москвы и поэзия Петербурга в русской литературе. Необходимость точнее определить отражения в литературе Киева, Одессы, Тифлиса и других городов.

8. Процесс литературной «колонизации» русской территории. Закономерные черты в этом процессе («необычное» освоено ранее «обычного»). «Модные» местодействия. Их смена. Задачи исследователя в этой области.

9. Местодействие былин. Его отношение к местопроисхождению сказителей.

10. Местодействия в древней русской литературе. Особое положение в этом смысле «Слова о полку Игореве» и «Жития протопопа Аввакума».

11. Географические названия без географической конкретности в русской литературе XVIII-го и начала XX-го века. «Пейзажная поэзия» этого времени.

12. Пушкин вводит в русскую литературу конкретное местодействие («южные поэмы» начала 1820-х годов). Вопрос о предварениях. Особое положение в качестве местодействий занимают в русской литературе причерноморский юг и, в частности, Кавказ. Крымско-Кавказские мотивы и «скифский роман» древних предваряют обращенность к этим

местам русской литературы. В этой связи становится понятной речь Украины как местодействия.

13. Украина, Крым и Кавказ являлись специально «поэтическим» местодействием в 1820-х—1830-х годах. В дальнейшем «поэтическое» местодействие продвигалось на северо-восток. В этом процессе Москва и Петербург освоены литературой раньше, чем окружающие их области.

14. «Россия вообще» как местодействие. Какой географический субстрат отвечает этому местодействию? Областное местодействие. Определение понятия. Построенное нарощение областного местодействия в русской литературе. Решающим моментом в этом отношении являются 1840-е годы: «Семейная хроника» С.Т. Аксакова, «Записки охотника» И.С. Тургенева и др.

15. «Областное местодействие» в русской литературе второй половины XIX-го и начала XX-го века. Специальное рассмотрение вопросов, относящихся к Сибири, Дальнему Востоку и Туркестану как местодействиям.

16. Монографическое рассмотрение вопроса о местодействии русских прозаических вещей последнего десятилетия (1920—1929), столицы, причерноморский юг, Кавказ, Приуралье и пр. — Поволжье является основной географической осью в местодействии современной русской прозаической литературы (в частности, среднее Поволжье: притаежно-лесостепной район).

17. Географические элементы литературы стоят в связи с историческими и этнографическими ее элементами — история местодействия в русской литературе должна быть сопоставлена с такой же историей в пределах других литератур.

В заключение необходимо отметить, что проблема «местодействия» как предмет научного исследования позже реализовывалась с разной степенью достоверности и авторства такими учеными XX века, как Л.Н. Гумилев, Ю.М. Лотман, А.М. Панченко и др. Но до сих пор мы не имеем четкой концепции «географии литературы», а в наших учебниках она дается фоном и не входит в ядро историко-культурной традиции отечественной словесности. Как преодолеть такой кризис в осмыслении художественного текста, нам подсказал П.Н. Савицкий.

Литература

1. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
2. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995.
3. Философы России XIX—XX столетий: Биографии, идеи, труды. Изд. 2-е. М., 1995.

-
4. Русское зарубежье. Золотая книга русской эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.
 5. *Дугин А.* Евразийский триумф // *Континент Евразия*. М., 1997.
 6. ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. № 514.
 7. Позже он выпустит книгу с одноименным названием, см.: *Савицкий П.Н.* Местодействие в русской литературе. (Географическая сторона истории литературы). Прага, 1931.
 8. ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. № 520.

Московский государственный областной университет